

Ю. И. Лебедева

Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея»

Статья посвящена рассмотрению особенностей мировосприятия греков гомеровской эпохи путем раскрытия смыслов существовавших в их сознании пространственно-временных структур. Являясь важнейшими категориями культурной антропологии, пространственно-временные представления людей изучаемого исторического периода позволяют нам понять специфику их мышления. На основе анализа поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» выявляется сохранение в сознании гомеровских греков элементов мифологического типа мышления, а также появление новых черт, возникших в их мировоззрении в конце IX–VIII в. до н. э. Изучение источников позволило прийти к выводу о характерной для мифологического типа мышления двойственности в восприятии пространства и времени, выраженной в противопоставлении востока и запада, своего и чужого пространства, светлого и темного времени суток, профанного и мифического времени. Это проявилось в мифологизации территорий, выходящих за пределы географических познаний гомеровских греков, сакрализации ночного времени суток, появлении представления об одновременном существовании человеческого и божественного времени. Вместе с тем в сознании эллинов возникла тенденция к гармонизации пространства, что выразилось в создании трехмерной космической системы и наделении проживавших на мифических территориях существ организацией жизни по примеру человеческого общества. В отношении ко времени также наметилась тенденция к восприятию его как некоей длительности, приводившей к смене состояний, что позволило гомеровским грекам определять приблизительное время суток по положению небесных тел, вести счет лет, осознавать ценность прошлого и будущего.

Ключевые слова: пространство, время, Гомер, «Илиада», «Одиссея», картина мира, мифологическое мышление, профанный, сакральный.

Yu. I. Lebedeva

Ancient Greeks' Ideas on Space and Time according to Poems «Iliad» and «Odyssey»

The article is devoted to consideration of features of the Greeks' world perception in the Homeric era by means of revealing meanings of the existential structures existing in their consciousness. Being the most important categories of cultural anthropology, existential representations of people of the studied historical period allow us to understand specificity of their thinking. On the basis of the analysis of the poems of Homer «Iliad» and «Odyssey» it was revealed that elements of the mythological type of thinking were in consciousness of Homeric Greeks, and also some new features which appeared in their outlook at the end of the 9–8th century BC. Study of sources allowed coming to a conclusion about the duality, characteristic of mythological type of thinking, in perception of space and time expressed in opposition of the East and West, personal and others' space, light and night-time, secular and mythical time. It was shown in mythologization of the territories which were beyond geographical knowledge of the Homeric Greeks, sacralization of night time of the day, the idea of simultaneous existence of human and divine time. At the same time in consciousness of the Greeks there was a tendency to harmonize space and it was expressed in creation of a three-dimensional space system and empowering of the beings living in the mythical territories with the organization of life according to the example of human society. Towards relation to the time there was a tendency to its perception as a certain duration leading to change of conditions and it allowed the Homeric Greeks to determine approximate time of the day by the position of stellar bodies, to count years, to realize the value of the past and future.

Keywords: space, time, Homer, «Iliad», «Odyssey», world view, mythological thinking, secular, sacral.

Изучение мировосприятия людей различных эпох является одним из важнейших направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Познание и осмысление человеком природного и социального универсума имеет своим результатом создание целостной картины мира, которая, в свою очередь, включает образы окружающего мира, представления, идеи и ценности, эстетические и моральные категории, правила и модели поведения, характерные

для человека и социума исследуемого исторического периода [7, с. 25; 18, с. 3].

Наиболее полно картина мира греков конца IX–VIII в. до н. э. раскрывается в мировоззрении аристократии, поскольку именно этот социальный слой являлся наиболее активным создателем культурных традиций и этических норм, распространявшим их и на другие категории населения. Единственными вербальными источниками, отсылающими нас к данному периоду истории, являются эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея»,

приписываемые «придворному» поэту-аэду Гомеру. Они всецело посвящены описанию образа жизни и подвигов самой знатной части греческого общества; из поля зрения автора почти полностью упускаются подробности жизни менее знатных греков, что придает «аристократический» характер всему их содержанию [3, с. 280; 281]. Являясь по своей форме продуктом индивидуального сознания Гомера, эти поэмы имеют в содержании следы коллективной памяти, переходившей из поколения в поколение [6, с. 319–322].

В картине мира аристократа гомеровской эпохи важное место занимали представления о пространстве и времени. Вместе с тем необходимо указать на универсальность этих понятий и их имманентное присутствие в сознании людей любых социальных категорий [7, с. 24]. В силу этого единые пространственно-временные воззрения могли быть свойственны гомеровскому обществу в целом. Пространственно-временной континуум, который для древних греков был непосредственной средой обитания и организации повседневной жизни, вызывал стремление осознать его, упорядочить, заключить в постижимые человеческому разуму границы.

Пространство и время, являясь фундаментальными категориями культуры, неоднократно становились предметом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей (П. Видаль-Накэ, Ф. Ф. Зелинского, Э. Кассирера, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского, А. А. Тахо-Годи, Х. Туманса, М. Элиаде, О. Шпенглера).

Исследователи обращают внимание на близость и даже совпадение ощущений пространства и времени в древних обществах, а также на невозможность рассмотрения этих категорий в отрыве друг от друга [10, с. 100; 19, с. 81; 20, с. 120; 121]. Вместе с тем при оценке восприятия времени персонажами гомеровских поэм они указывают на антиисторичность их мышления, а также на неспособность отслеживать течение времени, которая наблюдалась и в неспособности самого Гомера последовательно излагать события [4, с. 70–72; 12, с. 127; 13, с. 191]. Однако изучение текста поэм не позволяет нам согласиться с мнением об отсутствии у людей гомеровского периода чувства времени.

Руководствуясь идеями и выводами наших именитых предшественников, а также содержанием «Илиады» и «Одиссеи», мы сделали попытку представить сформированную вокруг пространственно-временных представлений картину мира древних греков конца IX–VIII в. до н. э.

Гомеровскому греку, обладавшему мифологическим типом мышления, было свойственно осуществлять горизонтальное членение пространства. Он разделял пространство на обыденное, освоенное, заселенное людьми, окультурившими его и подчинившими собственным жизненным ритмам, и пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания.

Пространство, населенное людьми, имело ряд черт, которых мы не обнаруживаем при описании территорий, выходящих за границы ойкумены. Так, никому из мифических существ, встречавшихся на пути Одиссея, не была свойственна обработка земли. Принадлежность к человеческому обществу характеризовали также такие черты, как покорность нормам, правилам, традициям, религиозность, гостеприимство, взаимопомощь [2, VI, 119–122], которых мы не находим у представителей пограничного мира.

Наиболее приближены по своему образу жизни к человеческому обществу были феаки с острова Схерия, который представлял собой пограничный пункт, отделявший профанный мир от сакрального [4, с. 51]. Однако некоторые факторы их жизни, такие как отсутствие обычая гостеприимства [2, VII, 32; 33], способность преодолевать любые водные пространства [2, VII, 34; 35] и, кроме того, проживание на территории, лишенной каких бы то ни было недостатков, усложнявших жизнь простым грекам [2, VII, 116–128; 132], не позволяют полностью отнести земли феаков к обычному миру людей.

Лотофаги, обладавшие, в отличие от феаков, гостеприимством, тем не менее, не были «людьми, вкушающими хлеб». Пища лотофагов – лотос – раскрывала в них представителей особого мира. Им также было свойственно отсутствие памяти, немислимое для человека и, по сути, лишавшее его человечности [4, с. 54].

Отличительной чертой некоторых обитателей пограничного пространства являлось божественное происхождение. Так, циклоп Полифем был сыном Посейдона [2, I, 67–72]. Несмотря на характерное для образа жизни циклопов стихийное природное начало, Гомером наделил их некоторыми чертами, приближавшими организацию их жизни к человеческой. Пещера Полифема была обустроена по примеру человеческого жилища, в ней поддерживался определенный порядок, разводился огонь для приготовления пищи. Еда циклопа, если исключить присущий ему каннибализм, также вполне соответствовала человеческой: молоко, сыр, вино. Другие великаны – лестригоны – жили в домах [2, X, 110; 111] и посещали народное собрание [2, X, 114].

Страх и неприязнь греков эпохи Гомера к незнакомым землям можно объяснить тем, что они были окружены бескрайним водным пространством, которое после упадка микенской цивилизации и утраты культуры мореплавания стало ассоциироваться с источником опасности. Перспектива на долгое время оказаться во власти пространства, по сути, представлявшего собой пустоту, внушала ужас не только людям, но и богам. Гермес в беседе с нимфой Калипсо произносит такие слова: «Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря степь несказанную, где не увидишь жилищ человека, жертвами чтущего нас» [2, V, 100–102]. Таким образом, «бесплодное» море стало противопоставляться «многоплодной» земле. В восприятии гомеровских греков «твердая» земля была источником покоя, безопасности, стабильности, поэтому она противопоставлялась зыбкой, часто менявшей свой облик водной поверхности, представлявшей собой совсем иную реальность.

Границы заселенного людьми пространства омывались мифическим Океаном, который воспринимался исполинской рекой [1, XIV, 246], опоясывавшей землю [1, XVIII, 606; 607]. Пограничными областями, отделявшими мифический мир от профанного, являлись земли, заселенные эфиопами, – они находились на востоке [1, XXIII, 205; 206], и территории на западе, где проживали киммерийцы [2, XI, 13; 14]. В сознании древнего грека, склонном разделять пространство на «хорошее» и «плохое», восток был местом, где восходили Эос – заря и Гелиос – солнце, поэтому эта сторона света имела положительное значение. У проживавших там эфиопов любили гостить боги [1, I, 423; 424; XXIII, 206; 207; 2, I, 20–25]. Дальше на востоке, за Океаном, находился божественный остров Эя, населенный нимфами, на котором также проживали Эос и Гелиос [2, XII, 1–4]. В противовес востоку запад – это место, откуда приходила ночь [1, XIII, 240; 241], там же были расположены Аид и Тартар. Западная, пограничная территория, омывавшаяся Океаном и населенная киммерийцами, была покрыта туманом и лишена солнечного света: по словам Гомера, «ночь безотрадная там окружает живущих» [2, XI, 12–19]. Столь печальный вид данной области объяснялся близостью подземного царства, которого можно было достичь, переплыв Океан.

В вертикальном членении пространство делилось на три уровня: верхнее мифологическое, к которому восходил Олимп, земное и нижнее мифологическое, представленное двумя уровнями – Аидом, заселенным душами мертвых, и Тартаром, располагавшимся еще ниже и являвшимся своеобразной преисподней для богов, где они

должны были бы влачить безрадостное существование в случае неповиновения Зевсу. В мировосприятии древнего грека не существовало четких граней, разделявших мир людей и богов. Так, боги могли пребывать среди людей [1, I, 37; 38; 44–49; II, 168–175; IV, 74–79], а некоторые герои спускаться в Аид для того, чтобы узнать свою судьбу, как это сделал Одиссей в XI песне одноименной поэмы.

Единственная целостная картина Вселенной, раскрывающая космологические воззрения Гомера, представлена в XVIII песне «Илиады». Изготавливая щит для Ахиллеса, бог Гефест изображает на нем уменьшенную копию мироздания. Х. Туманс обратил внимание на немногословность автора «Илиады» при описании структуры Вселенной и сосредоточенность на земной жизни, объяснив это незаинтересованностью Гомера в вопросах, выходящих за пределы человеческого бытия [22, с. 44; 45], что, по его мнению, раскрывает несформированность космологической системы у человека гомеровского периода.

Действительно, при четком разделении пространства на «профанное» и «мифологическое» территория, заселенная людьми, являлась единственным пределом человеческого знания, пространством, которое можно было достоверно описать, чем и обусловлено пристальное внимание Гомера к земной жизни. В свою очередь, устройство Вселенной, являвшееся содержанием креационных мифов, представляло собой сакральное знание, не подлежащее освещению в эпической поэзии. Краткое, в несколько строк, описание мироустройства имело своей целью не предоставление информации о строении космоса, а скорее всего, играло роль вступления к художественному описанию шедевра, изготовленного Гефестом. Вместе с тем это краткое вступление раскрывает перед нами общую структуру космоса, существовавшую в сознании человека гомеровской эпохи.

Как бы ни была несовершенна земля, заселенная людьми, она имела исключительно выгодное расположение, ибо находилась в центре Вселенной, на что указывает Гомер при описании щита Ахиллеса. Именно мир людей окружала священная река Океан [1, XVIII, 606; 607], отделяя его от мифических территорий. Здесь была расположена гора Олимп, вершины которой упирались в мир небожителей.

Согласно М. Элиаде, архитектурная символика центра обусловлена такими аспектами, как нахождение на этой территории Мировой горы – в ее роли у древних греков и выступал Олимп, а также единством трех космических

сфер – Неба, Земли и Ада [24, с. 31]. Таким образом, человеческое общество мыслилось как наиболее совершенное, упорядоченное, гармоничное, находившееся под защитой богов. Это объясняет стремление Одиссея и его спутников вернуться на родной остров, а также неприязнь к неизведанным территориям, обитатели которых жили по своим законам и пренебрегали установленными олимпийскими богами обычаями. М. Элиаде заключил, что центр, хотя и являлся для людей «областью в высшей степени священного», в их сознании оставался «областью абсолютной реальности» [24, с. 35].

Х. Туманс заметил, что, несмотря на краткость Гомера в освещении космологических аспектов, его Вселенная имела законченную структуру, так как состояла из трех «симметричных» частей, взаимно дополнявших друг друга и уравновешивавших космическое пространство. Данная идея в дальнейшем была воспринята классической эпохой и продолжена ей в виде разработанных понятий о мере [22, с. 45].

Подобно тому как мифологическим мышлением пространство разделялось на свое и чужое, время также не избежало аналогичной двойственности в его восприятии. Так, время суток условно делилось на профанное и сакральное. Светлая часть дня была пожалована богами в распоряжение людям – это было профанное время. С наступлением темноты в свои права вступали иные силы, и осуществление какой-либо активности в это время воспринималось как нарушение закона, установленного богами. В поэмах встречаются эпитеты «божественная» ночь [2, IV, 429; VII, 283], «священный мрак» [1, XI, 192–194], призванные подчеркнуть сакральность этого времени суток.

С наступлением ночи прекращалась любая деятельность – сражения [1, X, 201], путешествия [2, XII, 291], песни и танцы [2, I, 419–421], прием пищи [2, III, 335; 336]. Единственно возможное для человека в данное время состояние – сон, но он также посылался божеством и поэтому являлся божественным [2, VII, 286]. Не только действия, но и любые проявления чувств – скорбь и плач [2, IV, 193–195] или, напротив, веселье были непозволительны ночью. В строке: «В плаче могло б их застать заходящее солнце» [2, XIV, 220], – чувствуется тревога Гомера, вероятно, в связи с тем, что пребывание в состоянии уныния в ночное время могло вызвать гнев пирующих богов [2, III, 332; 333; 336].

В облике обожествленной ночи сохранялись черты стихийности, выведившие ее из пантеона олимпийских богов и создававшие образ всемо-

гущего божества, неподвластного ничьей воле. Даже Зевс был вынужден усмирять свой гнев из опасения прогневать Ночь [1, XIV, 260; 261]. Такое поведение верховного олимпийского бога вполне объяснимо: Ночь по своей сути являлась бесформенной субстанцией, возникшей в начале мифического времени (наряду с Хаосом и Мраком) и являвшейся первоисточником жизни [21, с. 81]. Таким образом, Ночь – древнейшее из божеств, прародительница первых богов, поэтому проявление неуважения к ней со стороны олимпийца могло бы нарушить мировой порядок. У Гомера Ночь получает антропоморфные черты, приобретая облик богини [1, XIV, 259–261]. В создании подобного образа нашла свое отражение свойственная мифологическому типу мышления способность олицетворять и одухотворять силы природы [1, XIV, 259].

Ночь была настолько непредсказуемым и непостижимым явлением, что часто сравнивалась со смертью. Смерти также были сподручны тьма и мрак – спутники ночи [1, IV, 461; 526; V, 47; VI, 10; XI, 356; XIII, 575]. Черный цвет – цвет ночи являлся и цветом смерти [1, III, 360], а также близких ей явлений: страданий [1, IV, 117], боли [1, IV, 191], скорби [1, XXIV, 93; 94]. У смерти был брат-близнец – Сон [1, XVI, 672]. Насильственная смерть, наступавшая в ходе сражения, названа у Гомера «медным сном» [1, XI, 241]. В силу близости таких явлений, как ночь и смерть, погребальный обряд в эпоху Гомера было принято осуществлять в ночное время, в полной тишине, поскольку излишнее проявление чувств могло нарушить сакральность ночи [1, VII, 327].

Рассмотрев особенности восприятия древними греками времени суток, обратимся теперь к объяснению того, каким образом осознавалось людьми эпохи Гомера само понятие «время».

Некоторые исследователи придерживаются идеи о неприятии людьми древних обществ времени как исторического процесса. Так, О. Шпенглер указывает на тенденцию к уничтожению того, что «не обладает существованием в настоящем времени» [25, с. 142; 143]. М. Элиаде утверждает, что архаическому мышлению была свойственна своеобразная подвижность времени, возможность слияния человеческого настоящего с мифическим временем посредством выполнения «парадигматических» действий – от войны и жертвоприношения до строительства дома [24, с. 46]. Человек, таким образом, будто бы приписывал себе способность «упразднить время», в чем и выражалась, по мнению именитого исследователя, его «антиисторическая позиция» [24, с. 47, 77].

Мы не разделяем эту идею, так как не можем полностью отрицать существование у гомеровских греков представлений о времени как об историческом процессе. Им, к примеру, было присуще стремление увековечить те или иные события, то есть «связать свое настоящее с далеким прошлым» [4, с. 70]. Гомеровским грекам было также свойственно желание прославиться любой ценой [5, с. 172; 26, с. 99]. Кроме того, сам факт создания текста поэм на основе более древних эпических преданий свидетельствует о присутствии в сознании грека гомеровской эпохи понимания ценности прошлого для настоящего, а также и самой истории как знания о прошлом, хотя и основанном на мифе.

Не только осознание связи настоящего с прошлым характеризует отношение греков гомеровской эпохи ко времени. Забота о будущем – далеко и не очень – также занимает мысли героев поэм. Человек понимал, что его настоящее когда-нибудь станет древностью для пока еще не рожденных поколений; он мог смоделировать в своем сознании образы и мысли, которые возникнут у потомков при виде могильного холма над телом героя. Таким образом, мы можем сделать вывод о четком осознании древними греками временной последовательности событий, уже свершившихся, имевших место в прошлом, а также об их склонности к антиципации событий, происхождение которых было возможно в будущем, что даже выражается в построении некой цепочки их последовательности [1, IV, 160–165; 173–182].

В то же время необходимо отметить, что восприятие греками гомеровской эпохи настоящего было лишено той четкости и осознанности, которая прослеживается в их отношении к прошлому и будущему. Здесь мы можем согласиться с мнением О. Шпенглера, охарактеризовавшего восприятие жизни древними греками как «ряда случайностей» [25, с. 144, 145]. По мнению М. Элиаде, человеческое общество мыслилось не как «результат» истории, а как «порождение ряда мифических событий» [23, с. 22]. Мифическое время противостояло профанному, являясь сакральным по своей сути. Это было время первопредков и творения мира, первых вещей и людей, а также установления космического и социального порядка [16, с. 26].

Действительно, из поэм Гомера следует, что мифическое время являлось источником первопричин для любых событий и явлений, происшедших в рамках профанного времени [16, с. 252]. В поэмах Гомера существуют два пространственно-временных континуума: мир богов и мир людей, взаимно дополнявших друг друга.

Боги управляли временем людей, определяя длительность тех или иных событий [11, с. 67] (например, продолжительность Троянской войны), или даже изменяли возраст некоторых героев [2, XIII, 429; 3, с. 72]. Человек находился в полной зависимости от божественной воли [8, с. 16–19]. Этот фактор и определял отношение людей к своему настоящему, которое направлялось исключительно волей богов, скрытой от человека до того момента, пока она не претворялась в его жизнь.

Отсутствие привычного для нас восприятия времени как периода действительности, имеющего четкое деление на часы, минуты, секунды, тем не менее, не доказывает отсутствия у греков гомеровской эпохи чувства времени. Ощущение течения времени гомеровский герой мог воочию наблюдать по изменениям, происходившим в природе, что заставляло его выделять в окружающем пространстве временные периоды: день и ночь, времена года, молодость и старость. Подчинив своему пониманию природные циклы, греки гомеровской эпохи научились довольно точно ориентироваться во времени. Так, находясь вдали от мест человеческого обитания и в состоянии смертельной опасности, Одиссей, тем не менее, обращает внимание на смену дневного времени вечерним и даже вспоминает, чем обычно заняты в это время люди на его родной Итаке [2, XII, 437–441].

Свойственная мифологическому мышлению связь пространства и времени прослеживается и в мировосприятии гомеровских греков. Так, протяженность пространства измерялась количеством дней или лет, ушедших на его преодоление. Менелай, сообщая о том, что он странствовал более семи лет, именно таким образом подчеркивает пройденное расстояние, включавшее посещенные им Кипр, Финикию, Египет, земли, заселенные эфиопами, Ливию [2, IV, 82–86]. На существовавшее в сознании гомеровских греков неразделенное пространственно-временное единство указывает также использование астрономических знаний при определении времени. Глядя на ночное небо, Одиссей замечает, что «звезды ушли уж далеко», и это говорит ему о том, что «более двух уже долей ночь совершила», то есть подобная карта звездного неба свидетельствовала о скором наступлении утра [1, IX, 251–253].

У гомеровских греков, живших в соответствии с природными ритмами, имеющими в своей основе цикличность, сложилось представление о «круговратном» времени, истечение которого знаменовало собой наступление нового го-

да, приходившееся на весну [1, XXIV, 765; 766; 2, I, 16; 17; 493; 494; XIV, 292–294]. Греки гомеровской эпохи выделяли такие временные единицы, как день, месяц, год, и даже были склонны вести подсчет лет от какого-либо знаменательного для их жизни события. Так, Елена, размышляя о своей жизни в Трое, замечает: «...ныне двадцатый год протекает с оной поры, как пришла в Илионя» [1, XXIV, 765; 766]. Вместе с тем в поэмах содержатся и примеры, указывающие на качественную неоднородность времени. Время в сознании гомеровского грека могло «растягиваться», что мы видим на примере жизни Нестора, пережившего уже два поколения людей и продолжавшего «царствовать» над третьим [1, I, 250–252]. При этом Нестор, несмотря на свой почтенный возраст, вовсе не являлся дряхлым старцем и даже принимал непосредственное участие в сражениях [1, VIII, 80–90; 102–105; 137–140]. Время также могло и «сжиматься». Так, ахейцы всего за одну ночь построили грандиозную крепость со рвом, вызывавшую удивление даже у богов [1, VII, 433–444].

Подводя итоги, мы приходим к выводу о том, что в восприятии гомеровскими греками пространства и времени продолжала сохраняться характерная для мифологического мышления идея противопоставления человеческого и божественного, профанного и сакрального, причем она применима и к их отношению к пространству, и к ощущению времени. Вместе с тем в их картине мира стали происходить важные изменения. Так, в отношении к пространству наметилась тенденция очеловечить, окультурить «дикое пространство», что даже выразилось в придании населявшим его мифическим существам организационных черт, характерных для человеческой жизни. В восприятии времени, наряду с сохранением идеи о его качественной неоднородности, у гомеровских греков возникает стремление упорядочить время: либо путем разделения его на устойчивые единицы – день, месяц, год, либо с помощью ведения счета лет. Это стало возможно в связи с формированием у них способности свободно ориентироваться во времени, учитывая изменения, происходившие в природе. Свою жизнь люди гомеровского времени также начали представлять в виде трех временных этапов: прошлого, настоящего и будущего, что свидетельствует о начале формирования у них исторической памяти.

Библиографический список

1. Гомер. Илиада [Текст] / Гомер: пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. – М.: Эксмо, 2013. – 896 с.
2. Гомер. Одиссея [Текст] / Гомер: пер. с древнегреч. В. А. Жуковского. – М.: Эксмо, 2013. – 896 с.
3. Андреев, Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. [Текст] / Ю. В. Андреев. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 494 с.
4. Видаль-Накэ, П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире [Текст] / П. Видаль-Накэ. – М.: Ладомир, 2001. – 419 с.
5. Горан, В. П. Древнегреческая мифологема судьбы [Текст] / В. П. Горан. – Новосибирск: Наука, 1990. – 335 с.
6. Гордезиани, Р. В. Проблемы гомеровского эпоса [Текст] / Р. В. Гордезиани. – Тбилиси: Изд-во Тбилиского университета, 1978. – 394 с.
7. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
8. Доддс, Э. Греки и иррациональное [Текст] / Э. Доддс. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
9. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей: в 4 т. [Текст] / Ф. Ф. Зелинский. – Т. 1. – М.: Ладомир, 1995. – 417 с.
10. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 2 т. [Текст] / Э. Кассирер. – Т. 2. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с.
11. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии [Текст] / Ф. Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2003. – 360 с.
12. Лосев, А. Ф. Гомер [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 400 с.
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. [Текст] / А. Ф. Лосев. – Т. 1. – М.: Высшая школа, 1963. – 399 с.
14. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 2001. – 169 с.
15. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
16. Мифы народов мира: в 2 т. [Текст] / под ред. С. А. Токарева. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 672 с.
17. Перфилова, Т. Б. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф. Ф. Зелинского [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль: ЯГПУ, 2009. – 300 с.
18. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания [Текст] / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с.
19. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Образы и структуры времени в архаических культурах [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Круг, 2010. – 959 с.
20. Суриков, И. Е. Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи [Текст] / И. Е. Суриков. Образы времени и исторические пред-

ставления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Круг, 2010. – 959 с.

21. Тахо-Годи, А. А. Греческая мифология [Текст] / А. А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989. – 304 с.

22. Туманс, Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла [Текст] / Х. Туманс. – СПб. : Гуманитарная академия, 2002. – 544 с.

23. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2010. – 251 с.

24. Элиаде, М. Избранные сочинения [Текст] / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 2000. – 414 с.

25. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. [Текст] / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.

26. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса [Текст] / И. В. Шталь. – М. : Наука, 1983. – 296 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Gomer. Piada [Текст] / Gomer: per. s drevne-grech. N. I. Gnedicha. – М. : Jeksmo, 2013. – 896 s.

2. Gomer. Odisseja [Текст] / Gomer: per. s drevne-grech. V. A. Zhukovskogo. – М. : Jeksmo, 2013. – 896 s.

3. Andreev, Ju. V. Gomerovskoe obshhestvo. Osnovnye tendencii social'no-jekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Grecii XI–VIII vv. do n. je. [Текст] / Ju. V. Andreev. – СПб. : Nestor-Istorija, 2004. – 494 s.

4. Vidal'-Nakje, P. Chernyj ohotnik. Formy myshlenija i formy obshhestva v grecheskom mire [Текст] / P. Vidal'-Nakje. – М. : Ladamir, 2001. – 419 s.

5. Goran, V. P. Drevnegrecheskaja mifologema sud'by [Текст] / V. P. Goran. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 335 s.

6. Gordeziani, R. V. Problemy gomerovskogo jeposa [Текст] / R. V. Gordeziani. – Tbilisi : Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1978. – 394 s.

7. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Текст] / A. Ja. Gurevich. – М. : Iskustvo, 1984. – 350 s.

8. Dodds, Je. Greki i irracional'noe [Текст] / Je. Dodds. – СПб. : Aletejja, 2000. – 507 s.

9. Zelinskij, F. F. Iz zhizni idej: v 4 t. [Текст] / F. F. Zelinskij. – Т. 1. – М. : Ladamir, 1995. – 417 s.

10. Kassirer, Je. Filosofija simvolicheskikh form: v 2 t. [Текст] / Je. Kassirer. – Т. 2. – М. ; СПб. : Universitetskaja kniga, 2001. – 280 s.

11. Kessidi, F. H. Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoj filosofii [Текст] / F. H. Kessidi. – СПб. : Aletejja, 2003. – 360 s.

12. Losev, A. F. Gomer [Текст] / A. F. Losev. – М. : Molodaja gvardija, 2006. – 400 s.

13. Losev, A. F. Istorija antichnoj jestetiki: v 8 t. [Текст] / A. F. Losev. – Т. 1. – М. : Vysshaja shkola, 1963. – 399 s.

14. Meletinskij, E. M. Ot mifa k literature [Текст] / E. M. Meletinskij. – М. : RGGU, 2001. – 169 s.

15. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa [Текст] / E. M. Meletinskij. – М. : Nauka, 1976. – 407 s.

16. Mify narodov mira: v 2 t. [Текст] / pod red. S. A. Tokareva. – Т. 1. – М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1980. – 672 s.

17. Perfilova, T. B. Jemanicii «kollektivnoj dushi» cheloveka antichnosti v nauchnyh refleksijah F. F. Zelinskogo [Текст] / T. B. Perfilova. – Jaro-slavl' : JaGPU, 2009. – 300 s.

18. Repina, L. P. Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija [Текст] / L. P. Repina. – М. : GU VShJe, 2003. – 43 s.

19. Savel'eva, I. M, Poletaev, A. V. Obrazy i struktury vremeni v arhaicheskikh kul'turah [Текст] / I. M Savel'eva, A. V. Poletaev. Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad / pod red. L. P. Repinoj. – М. : Krug, 2010. – 959 s.

20. Surikov, I. E. Temporal'nye predstavlenija v Drevnej Grecii polisnoj jepohi [Текст] / I. E. Surikov. Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad / pod red. L. P. Repinoj. – М. : Krug, 2010. – 959 s.

21. Taho-Godi, A. A. Grecheskaja mifologija [Текст] / A. A. Taho-Godi. – М. : Iskustvo, 1989. – 304 s.

22. Tumans, H. Rozhdenie Afiny. Afinskij put' k demokratii: ot Gomera do Perikla [Текст] / H. Tumans. – СПб. : Gumanitarnaja akademija, 2002. – 544 s.

23. Jeliade, M. Aspekty mifa [Текст] / M. Jeliade. – М. : Akademicheskij proekt, 2010. – 251 s.

24. Jeliade, M. Izbrannye sochinenija [Текст] / M. Jeliade. – М. : Ladamir, 2000. – 414 s.

25. Shpengler, O. Zakat Evropy. Oчерки morfologii mirovoj istorii : v 2 t. [Текст] / O. Shpengler. – М. : Mysl', 1998. – 663 s.

26. Shtal' I. V. Hudozhestvennyj mir gomerovskogo jeposa [Текст] / I. V. Shtal'. – М. : Nauka, 1983. – 296 s.